

ВЧЕРА НА КОНЦЕРТЕ ВАНА КЛИБЕРНА

Снова Большой зал Московской консерватории и снова за роялем Ван Клиберн. Он безгранично счастлив сегодня, счастлив потому — и в этом трудно сомневаться, — что он вновь среди самых чутких своих слушателей, среди больших друзей, вновь на эстраде того самого зала, где два года назад к нему пришла мировая слава.

На какое-то мгновение память воскрешает все, связанное с прошедшим конкурсом, — его первый, второй и в особенности третий туры. И почему-то возникает немного странное ощущение, что не было этих двух лет, что конкурс еще не кончился и что вот сейчас состоялся один из концертов... уже четвертого тура. Среди множества самых различных эпизодов и сцен конкурса вспоминается и сцена жеребьевки его участников-пианистов. Гостеприимная Москва не стала нарушать традиций западноевропейских международных конкурсов: «несчастливый» № 13 не разыгрывался. Кто мог знать в тот день, что «самым первым» номером конкурса, «самым удачливым» окажется № 15, вытянутый неизвестным тогда не только у нас, но, по существу, и у себя на родине американцем Ваном Клиберном?

Оваций и рукоплесканий на вчерашнем концерте, как бы ни сыграл Ван Клиберн, не могло не быть. Не следует думать, что нормы этики не позволили автору этих строк вставить в предыдущую фразу слово «неудачно». Нет, плохо сыграть Ван Клиберн и не смог бы: пианисту такого дарования попросту не дано играть «плохо». Да ведь, кроме того, это была встреча не только с «заморским» победителем нашего международного конкурса, но и встреча с человеком, который искренне расположен и по-своему очень привязан к нам, встреча с артистом, чье мировое признание родилось в нашей Советской стране. Не раз приходили к нам идущие из глубины сердца Вана Клиберна горячие слова благодарности советским музыкантам и слушателям, всем советским людям, с кем довелось ему встречаться в дни Конкурса имени Чайковского и после него.

Был во вчерашней встрече и еще один волнующий момент. Велико было нетерпение узнать, как развивалось за это время столь яркое и редкостное дарование пианиста, названное Генрихом Нейгаузом и Святославом Рихтером гениальным? Не потускнели ли в трудностях непомерно насыщенной концертной жи-

ни поистине «золотые крупы» его таланта? Остался ли он верен своему артистическому кредо — романтическим традициям исполнения, потерянным многими и многими пианистами. И, наконец, в какой мере властное творческое «я», составляющее едва ли не самую привлекательную сторону пианизма Вана Клиберна, сблизилось с тем сложнейшим явлением, которое может быть названо в мире искусства «постижением стиля» исполняемого произведения?

Думается, что подобные вопросы невольно возникали у всех, кто пришел вчера на новую встречу с Ваном Клиберном. Достаточно напомнить, что общепризнанными художественными достижениями молодого пианиста в дни конкурса явились ля минорный этюд Шопена (№ 11, ор. 25), прелюдия и fuga Танеева соль диез минор и в особенности такие, не похожие друг на друга по своим образам, идеям и средствам их воплощения сочинения мировой фортепьянной литературы, как Двенадцатая рапсодия Листа и Третий концерт для фортепьяно с оркестром Рахманинова. Здесь все было свежим, новым, нетрадиционным — и все покоряло едва ли не безоговорочно. Зато «нетрадиционность», например, «Аппассионаты» Бетховена, фантазии фа минор Шопена, отчасти Шестой сонаты Прокофьева и Большой сонаты Чайковского (первая часть) вызвала споры и суждения о «непостижении стиля»...

Быть может, самое сильное впечатление от вчерашнего вечера заключалось в том, что лучшие и очень индивидуальные черты дарования Вана Клиберна проявились так же ярко, захватывали так же сильно, как и раньше. Верный своей артистической натуре, он весь отдается свободе исполнительского процесса. Полет творческой мысли, порой кажущейся необузданной, стихийной силой, контролируется какой-то удивительной интуицией художественного такта. Вновь и в остро драматических музыкальных картинах, и в картинах светлых, пронизанных лирическими настроениями, «поет» и «говорит» его рояль — чудесное свойство искусства игры Вана Клиберна...

Все это было (и доставило большую радость) в двух новых для нас сочинениях его репертуара — фортепьянных концертах Брамса (Второй, си бемоль мажор) и С. Прокофьева (Третий, до мажор). У многих в памяти разные, но по-своему совершенные истолкования этих сложнейших произведений С. Рихтером и Э. Гилельсом. Очевидно, Ван Клиберн еще не достигает высот такого мастерства — не достигает потому, что единоборство его творческого «я», постижения стиля и замысла композитора не привело еще у него к тому полному гармоническому слиянию, при котором только и возможно совершенство исполнения? Но слушатели Третьего концерта для фортепьяно с оркестром С. Прокофьева в трактовке Вана Клиберна не могли не ощутить самого примечательного в этом сочинении — отчетливо выраженной национальной основы, мягкой и светлой прокофьевской лирики, пристрастия композитора к «графически» четким и вместе острым гротесковым и ска-

Ван Клиберн и дирижер Геннадий Рождественский на репетиции в Большом зале Консерватории им. П. И. Чайковского.

Фото О. ЦЕСАРСКОГО.

зочным образам. Ослепительная техника пианиста, сама по себе очень эффектная в многочисленных виртуозных эпизодах партитуры Прокофьева, не заслоняет ясного стремления Вана Клиберна «распеть» свою партию этого концерта.

Романтику Клиберну по душе и Второй концерт для фортепьяно с оркестром Брамса — ярко эмоциональное сочинение, одно из тех, что лежит на «главной линии» развития мирового фортепьянного концерта. Масштабность си бемоль мажорного концерта Брамса, симфоническая драматургия, контрастность образов каждой его части и вместе с тем единство всего четырехчастного цикла, стихия патетики и пастельные краски, связанные с одухотворенной «живописью» картин природы, полный шутилого задора и жизнелюбия финал с его характерной для композитора опорой на народную песенно-танцевальную музыку (здесь — венгерскую) — все это живет и дышит в исполнении Вана Клиберна полно и глубоко благодаря хорошему контакту со-

листа и оркестра. Его дирижер Г. Рождественский — отличный, умный и тонкий музыкант, да и симфонический оркестр Московской государственной филармонии давно зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Вчера в брамсовском концерте особенно ощущалась «переключка» пианиста и оркестра, рождающая движение вперед, «переключка», при которой призывный глас первого как бы будит ответный клич второго. Прокофьевскому концерту, как мне кажется, «повезло» в этом смысле меньше...

«Возмужал» ли Ван Клиберн? На основании одной программы отвечать на этот вопрос несколько рискованно. Но все же мне кажется, что, ничуть не лишившись яркой экспрессии, которую можно было бы назвать именно «клиберновской», игра пианиста стала как бы глубже и строже. Впереди еще несколько его концертов, и среди них — шопеновский. И тогда наше восприятие «повзрослевшего» Клиберна станет, очевидно, более полным, появится большая возможность судить об его творческом облике...

По окончании концерта слушатели тепло приветствовали талантливый артист. Клиберн исполнил на бис несколько произведений и в том числе «Подмошковые вечера».

— Никогда в жизни не забуду ваш горячий прием, — сказал Ван Клиберн по-русски, отвечая на аплодисменты. — Я полюбил вас. Спасибо от всего сердца!

На концерте присутствовали министр культуры СССР Е. А. Фурцева, заместитель министра культуры СССР А. Н. Кузнецов.

В зале находились также посол США в СССР Л. Е. Томпсон, представители дипломатического корпуса в Москве.

М. ТЕРОГАНЯН.